

И.А. ШМЕРЛИНА

«НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД» ДЖ. СЕРЛЯ К ПРОБЛЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹

Онтологическая проблематика в современном социологическом дискурсе оказывается нерелевантной. Тенденция «сводить онтологию к гносеологии и обе, в конечном счете, к методологии» [1, с. 164] весьма точно характеризует положение дел в социологической теории. Приведем показательный пример: в одном из современных исследований предлагается определение социальной онтологии, согласно которому она выступает «не как соответствующий раздел философии, охватывающий проблемы бытия, а скорее как система взглядов и базовых категорий относительно той части действительности, которая подлежит исследованию в данной сфере научного знания, иначе говоря, как научный способ вычленения и представления предмета анализа из совокупности объекта познания» [2, с. 16-17]. Наиболее последовательный ответ на вопрос об онтологии социального содержит позиция «методологического индивидуализма». Большинство из попыток выйти за его пределы в той или иной степени представляют собой лукавые решения и склоняются в конечном счете либо к «стратегии “персонализации”» [3, с. 54], либо к респектабельному агностицизму, либо к подмене вопроса об онтологии социального вопросом о механизмах его функционирования и трансляции.

Концептуальные построения Дж.Р. Серля, критическому анализу которых посвящена настоящая статья, представляют собой достаточно своеобразную попытку «справиться» с онтологической причудливостью социальной реальности [3, с. 56]. В самом названии программной работы Серля — «Конструирование социальной реальности» — содержится, по мнению Э. Свидерски, открытое противопоставление его позиции конструктивистской смысло-центрической методологии известного сочинения П. Бергера и Т. Лукмана [4, с. 197]. Вопросы онтологии социального анализируются Серлем в рамках

Шмерлина Ирина Анатольевна — докторант Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. Телефон: (095) 120-82-57. Электронная почта: shmerlina@yandex.ru

¹ Автор выражает признательность Ю.Л. Гришкину, Л.А. Козловой и О.А. Оберемко, которые приняли заинтересованное участие в обсуждении материалов настоящей статьи и способствовали уточнению ряда ее положений, а также О.А. Оберемко за помощь в переводе цитируемых фрагментов сочинения Дж. Серля «Конструирование социальной реальности».

«натуралистического» (в его собственной терминологии) подхода: «...мой подход, — заявляет он, — есть сознательно и обдуманно натуралистический. То есть я рассматриваю человеческую способность порождать деньги, собственность, правительство и брак в качестве развития более общих биологических феноменов, таких, как способность человеческих существ участвовать в кооперативном поведении и свойственная им языковая символизация. Мой интерес, вкратце, связан с институциональной реальностью, которая является особым случаем социальной реальности. Это проблема статусных функций, проблема деонтической силы статусных функций — в высшей степени натуралистическая проблема» [5, p. 300].

Таким образом, социальная онтология конкретизирована Серлем в концепции институциональной реальности. В качестве необходимого и достаточного методологического аппарата он вводит три понятия: «...я делаю, — пишет Серль, — весьма сильное заявление: всю институциональную реальность можно объяснить, используя ...три категории: коллективная интенциональность, приписывание функций и конститутивные правила» [6, p. 124]. Однако адекватное понимание социологической конструкции Серля невозможно, если не принять во внимание «четвертый элемент — Background² способностей, которыми обладают люди для того, чтобы взаимодействовать со своим окружением» [7, p. 13]. Последовательное раскрытие этих категорий и составляет содержание социально-онтологической концепции Серля.

Введение в социальную онтологию Дж.Р. Серля

Коллективная интенциональность

Социально-онтологическая концепция Серля строится на различении социальной и институциональной реальности. Под социальной (социальным фактом) Серль понимает совместную деятельность, условием которой является коллективная интенциональность. Такого рода деятельность и такого рода интенциональность свойственны как людям, так и животным, ведущим общественный образ жизни; соответственно, социальной обладают и те, и другие: «...любой факт, — утверждает Серль, — включающий коллективную интенциональность, есть социальный факт. Например, гиены, охотящиеся за львом, и Конгресс, осуществляющий законодательство, есть социальные факты» [7, p. 38]. «Я собираюсь, — пишет он, — определить произвольным образом социальный факт как любой факт, включающий двух или более агентов, которые имеют коллективную интенциональность. Так, животные, вместе охотящиеся, птицы, совместно строящие

² Разъяснения, связанные с переводом этого термина, даются на стр. 49 настоящей публикации.

гнездо, и, возможно, так называемые общественные насекомые, такие, как муравьи и пчелы, проявляют коллективную интенциональность и таким образом создают социальные факты» [6, p. 121].

Серль не предлагает определения коллективной интенциональности, но указывает на те случаи, когда она имеет место. При этом он стремится дистанцироваться от бихевиористской трактовки данного понятия. «Многие виды животных, особенно наш собственный, — пишет он, — имеют способность к коллективной интенциональности. Под этим я имею в виду не только то, что они вовлечены в кооперативное поведение, но и то, что они разделяют интенциональные состояния, такие, как мнения, желания и намерения... Очевидными примерами являются случаи, когда я делаю нечто только как часть того, что мы делаем совместно» [7, p. 23]. «Ключевой элемент в коллективной интенциональности, — продолжает Серль, — это чувство совместной деятельности (желания, верования и т. д.), и индивидуальная интенциональность каждой личности проистекает из коллективной интенциональности, которую разделяют все участники» [7, p. 24-25].

Серль не разъясняет психические состояния, которые соответствуют феномену «коллективной интенциональности», он лишь настойчиво подчеркивает, что психический аспект коллективной интенциональности нельзя понять как наличие «другого» в сознании особи, поскольку направленность на «другого» составляет «предпосылочное условие» коллективной интенциональности. Чувство другого не формируется в процессе совместной деятельности, но является необходимым условием последней и представляет собой, как следует из текстов Серля, биологически укорененное свойство психики. «...Это чувство, — пишет он, — может существовать без какой-либо коллективной интенциональности, и, что более интересно, само существование коллективной интенциональности, похоже, предполагает некоторое чувство общности... Биологически предшествующее (primitive) чувство другой личности как партнера по интенциональности является необходимым условием коллективного поведения и, следовательно, всего речевого общения» [8, p. 265].

Таким образом, исходными позициями социальной онтологии Серля выступают два тесно связанных между собой понятия — (1) коллективная интенциональность и (2) до-интенциональное чувство «другого» «как фактического или потенциального агента, схожего с самим субъектом, в кооперативной активности» [8, p. 265]. Ни одному из этих понятий Серль не дает определения, ограничиваясь контекстуальными описаниями. Из них можно понять, что речь идет о сюжетах, тесно связанных с биологией. По поводу «до-интенционального чувства другого» будет корректно предположить, что Серль имеет в виду генетически заложенную ориентацию на представителя своего вида (можно было бы сказать — «социальный

инстинкт», однако это понятие достаточно условно и вызывает обоснованные возражения у ряда этологов). Проблема врожденных оснований социальности выходит за рамки настоящей публикации, однако само наличие генетического компонента социального поведения несомненно, и это обстоятельство так или иначе должно быть воспринято социологией. Заслугой Серля является само обращение к этим непростым сюжетам.

Для базового понятия «коллективной интенциональности», с которого стартует концепция Серля, не существует привычных терминологических коннотаций. Исходя из его рассуждений коллективную интенциональность можно понять как актуализированное «чувство другого», о самом факте актуализации которого свидетельствует, главным образом (или, скорее, единственным образом), фактическое поведение особи. Эта актуализация, по-видимому, не требует рефлексии или самоотчета. В самом деле, если у гиен, охотящихся за львом, еще можно предположить некий вид рефлексии, то в отношении птиц, совместно строящих гнездо, или общественных насекомых это сделать уже крайне затруднительно. Итак, наиболее четкое понимание смысла, который Серль вкладывает в термин «коллективная интенциональность», достигается на базе бихевиористской интерпретации. Эта интерпретация, несомненно, есть насилие над авторским замыслом, однако она наиболее адекватна его теоретическому воплощению.

Несмотря на терминологическую приблизительность концептуальных оснований, не вызывает сомнения, что серлевское исследование социальности принципиальным образом строится на междисциплинарном анализе. Серль выводит основания социальности за пределы человеческого общества — они присутствуют в коллективной ориентации любого живого существа. «С моей точки зрения, — пишет он, — все мы является животными, биологическими тварями; со всеми другими видами животных мы разделяем способность к коллективной интенциональности, а с коллективной интенциональностью вы автоматически получаете социальные факты. С моей точки зрения, социальный факт есть просто случай коллективной интенциональности, включающей двух или более животных» [5, р. 304].

По замечанию Свидерски, концепция коллективной интенциональности представляет собой попытку ответить на вопрос о природе социальной связи, не получивший удовлетворительного решения в классической социологии: «Серль предполагает, что его концепция социальности как “коллективной интенциональности” есть лучшая формулировка того, что невнятно, по его мнению, пытались сказать “классики” (Дюркгейм, Зиммель, Вебер) о природе базовых социальных связей, таких как кооперация / интеракция / психическая связанность / групповое поведение и т. д. ...Коллективная интенциональность, будь то на уровне наблюдаемого поведения или разделенных

интенций, есть то, что конституирует “социальные факты”» [4, р. 210]. Серль, придерживающийся аналогичной оценки своих теоретических притязаний, бессилие классиков объясняет следующим образом: «...они были не в состоянии ответить на вопросы, которые меня занимают, потому что не располагали соответствующими инструментами. Их вины в том нет, им просто недоставало необходимой для этой теории речевых актов, перформативов, интенциональности, коллективной интенциональности, поведения, регулируемого правилами, и т. д.» [7, р. xii].

Действительно, принятие серлевской идеи «коллективной интенциональности» требует радикального пересмотра оснований социологии в биологически ориентированном ракурсе — пересмотра, связанного с междисциплинарной трактовкой социальности как отношений совместности.

Приписывание функций: конститутивные правила³ и перформативные высказывания

В отличие от чисто биологического сообщества, человеческое общество начинается, как полагает Серль, с возникновения институциональной реальности. Возможность последней он связывает с языковым символом, который обеспечивает переход от биологии к культуре и позволяет сделать различие между социальными и институциональными фактами: «...хотя существует непрерывность в коллективном

³ Идею конститутивных правил Серль формулирует в связи с различием правил, регулирующих некую деятельность (*регулятивных*), и правил, создающих саму возможность деятельности (*конститутивных*). Как указывает Серль, аналогичное различие намного раньше было сделано Дж. Роулсом в: [11] (см.: [7, р. 230]). Это не совсем точное замечание: Роулса, который вел свои рассуждения в специфическом контексте, связанном с защитой принципов утилитаризма, не интересовали регулятивные правила (в понимании Серля). Однако он действительно сформулировал идею правил, конституирующих определенный вид активности, и в качестве примеров привел шахматы и бейсбол; на эти игры широко ссылается для иллюстрации своей концепции и Серль. Кроме того, в описании, которое дает конституирующим правилам Роулс, заложена идея дистанции между повседневной практикой и обосновывающими или оправдывающими ее конечными (у Роулса — морально-утилитарными) принципами — идея, получившая своеобразное и акцентированное выражение в анализируемой концепции Серля. Впрочем, здесь следует указать еще один источник, по-видимому, общий как для Серля, так и для Роулса — «Философские исследования» Л. Витгенштейна, где он формулирует идею правил, выступающих «как инструмент самой игры» [12, с. 105], и активно использует пример с шахматами («игра становится именно шахматной игрой благодаря всем ее правилам» [12, с. 161]).

поведении львов, атакующих гиену, и Верховного суда, принимающего конституционное решение, институциональные структуры имеют особые черты, а именно символизм. Биологическая способность делать символизирующим — или означающим, выражающим — нечто помимо себя самого есть базовая способность, которая лежит в основе не только языка, но и всех других форм институциональной реальности» [7, р. 228].

Логику создания институциональных фактов определяет формула «X counts as Y in C», описывающая вменение феномену X функции Y в ситуации C. Данная формула представляет собой концентрированное выражение всей концепции Серля. Он подчеркивает, что сама по себе способность приписывать объектам функции присуща как человеку, так и животным [6, р. 121]; институциональную силу данная формула обретает в том случае, когда объекту приписываются функции, выходящие за рамки его «физической» сущности, — то есть символические функции. Когда обезьяна достает банан, «приписываемая» соответствующие функции палке, — это определяется физическими свойствами палки, рассуждает Серль. Когда люди приписывают полоске бумаги функцию денег, ее ценность не определяется физическими свойствами бумаги. Это — фундаментальное для Серля различие: «...способность присваивать смысл, символическую функцию объекту, который не имеет этого смысла сам по себе, есть предварительное условие не только языка, но и всей институциональной реальности. Доинституциональная способность символизировать есть условие человеческих институтов» [7, р. 75].

Процесс приписывания объектам символических функций и превращения их в институциональные объекты Серль концептуализирует при помощи двух категорий — «перформативные высказывания» и «конститутивные правила». «...Перформативы, — пишет он, — играют особую роль в создании институциональных фактов, потому что обозначенная выражением Y в формуле “X counts as Y” статус-функция часто, хотя и не всегда, вменяется путем простого объявления факта вменения. Это особенно справедливо для того случая, когда элемент X есть сам по себе речевой акт» [7, р. 55].

Идея «перформативного высказывания», производство которого является осуществлением действия [9, с. 27], представляется весьма плодотворной и допускает более широкую интерпретацию, чем та, что заложена в нее Дж. Остином и Дж. Серлем. Она способствует прояснению природы межличностной коммуникации человека и сопряжена с пониманием того, что речевое поведение вообще (а не только перформативные высказывания) в значительной своей части предназначено «вовсе не ...для сообщения или записи прямой информации о фактах» [9, с. 24] и не для теоретического осмысления окружающей действительности, а для координации взаимодействий.

Можно обратить внимание на те отчетливые этологические коннотации, которые при этом возникают. Они, в частности, связаны с осмыслением значения конвенционального контекста, легитимирующего поведенческий акт. Как известно, перформатив, чтобы состояться («быть успешным», по Остину) требует соблюдения ряда условий — «правил игры». Соблюдение некоторого формального «протокола» имеет принципиальное значение для любого ритуально организованного действия, в том числе — перформативного высказывания. Существует общая, не специфичная для человека, проблема «легитимации» поведения: последнее должно отвечать требованиям той семиотической системы, в рамках которой совершается. Для перформативных высказываний такой семиотической системой является институциональный контекст. Принципиальную роль в создании этого контекста играют конститутивные правила.

Мы должны объяснить, пишет Серль, роль «перформативных высказываний в создании многих, хотя и не всех, институциональных фактов. Объяснение обеспечивается структурой конститутивных правил» [7, р. 54]. «Конститутивные правила, — как определил их Серль в ранней работе, — создают (а также регулируют) деятельность, существование которой логически зависимо от этих правил» [10, р. 169]. Именно в них, подчеркивает Серль, заключается символизирующее движение от X к Y: «Ключевым моментом в переходе от грубого к институциональному и, соответственно, от приписанных физических функций к статусным функциям есть движение, выражаемое в конститутивном правиле. В данном движении мы рассматриваем нечто как имеющее определенный статус и с этим статусом — определенную функцию» [13].

Конститутивное правило делает, в понимании Серля, возможным коллективное (посредством коллективной интенциональности) присвоение некоторой функции Y объекту X, функции, выполнимой в ситуации C; при этом предполагается, что объект X в силу своей физической природы функции Y имплицитно не предусматривает. Тем самым объект X получает новый, знаково-символический статус, который, утверждает Серль, может накладываться на «грубые факты» (например, в случае присвоения функции денег полоске бумаги), социальные факты и речевые формулы. «В общем, там, где элемент X есть речевой акт, конститутивное правило делает возможным выполнение речевого акта как перформативной декларации, создающей положение дел, описанное элементом Y» [7, р. 54].

В конечном счете, институциональный контекст формируется, согласно концепции Серля, путем последовательных итераций формулы «X counts as Y in C», когда функция Y накладывается на объект X, который в предыдущей итерации означал Y. Как может, задает вопрос Серль, столь простая формула описывать сложные процессы

социальной жизни [6, p. 129]? Простота этой формулы компенсируется, по его утверждению, итеративным механизмом ее использования и взаимодействием, которое имеет место между институциональными фактами. «Посредством коллективной интенциональности», как пишет Серль [7, p. 81], происходит наложение одних статус-функций на другие — «путем нагромождения одной итерации на другую» [6, p. 130]. «Например, только житель США как X может стать президентом США как Y, но быть жителем означает иметь статус-функцию Y с предшествующего уровня. ...В этих случаях термин C с более высокого уровня может быть термином Y с предшествующего уровня. ...Не будет преувеличением сказать, что эти итерации обеспечивают логическую структуру сложных обществ» [7, p. 80].

«Для Серля, — замечает Свидерски, — выражение “counts as”, заключающее смысл конститутивных правил, указывает на сердцевину социальной онтологии, которую он выдвигает: **X counts as Y in C** (выделено Э. Свидерски. — *И.Ш.*) есть формально-онтологическая матрица и генеративный механизм социальной реальности. Данное выражение схватывает способ, при помощи которого действующая статусная функция (to be a Y in C) зависит от конститутивных правил (X counts as...). Именно благодаря ре-итеративному функционированию этого механизма формируется Общество как порядок институциональных фактов» [4, p. 211].

Серль вводит еще одну формулу для описания логики институционального процесса: «Есть лишь одна простейшая логическая операция, с помощью которой создается и конституируется институциональная реальность. Она имеет следующую форму:

Мы коллективно принимаем, признаем, думаем, соглашаемся, etc., что {S имеет власть (S делает A)}.

Мы можем свернуть эту формулу следующим образом —

Мы признаем {S имеет власть (S делает A)}.

Назовем это “базовой структурой”...» [7, p. 111].

Данная формула схватывает ключевой аспект институциональной реальности, а именно — аспект властных полномочий. Серль подчеркивает, что «вся институциональная реальность тем или иным способом связана с властью» [6, p. 133].

Таким образом, конститутивное правило не просто задает семиотический контекст, но устанавливает властные механизмы его поддержания. Оно связано с признанием полномочий субъекта со стороны его вне-индивидуальных, формальных (статусных) атрибутов. Это уточнение оказывается бесполезным при анализе того, что именно происходит в процессе перформативного высказывания. Это высказывание легитимировано социальным институтом, и действенность перформатива обеспечивается не физической или моральной силой индивида, произносящего что-то, а формальной властью позиции,

которой он наделен. Сила перформативного высказывания заключена, таким образом, не просто в принуждении словом, посредством которого один человек управляет действиями другого, а в той формальной обезличенной власти, которой наделены определенные ролевые контекстуально оговоренные позиции.

Вышеизложенные аспекты концепции Серля, несмотря на оригинальную терминологию, в целом прочитываются достаточно традиционно: институт возникает как обеспеченная языковым символом конвенция, легитимирующая определенные действия со стороны определенных статусных позиций. Вместе с тем концепция Серля содержит ряд спорных теоретических положений, которые и оправдывают интерес к ней. Эти положения связаны, прежде всего, с вопросом о генезисе институциональной реальности и о роли, которая отводится здесь конститутивным правилам.

Обсуждение

«*X counts as Y in C*»

Из текстов Серля очевидно, что в основе возникновения институциональной реальности лежит базовая биологическая способность человека к символизации. Не будь этой способности — не было бы ни денег, ни института супружества, ни правительственных структур. В качестве общего подхода с этим нельзя не согласиться: человеческое общество вообще трудно представить себе без языка (символизирующего движения «counts as»), а развитую институциональную структуру — тем более.

Процесс символического освоения действительности, как отмечалось, Серль описывает с помощью модели «*X counts as Y in C*», называя последнюю конститутивным правилом [7, р. 43-44]. Он и некоторые его комментаторы полагают, что данная формула вскрывает тайну институционального процесса. Действительно, выражение «*X counts as Y in C*» в самом общем виде фиксирует логическую (семиотическую) форму последнего⁴. Однако оно не способствует прояснению

⁴ Заметим, что эта формула представляет собой не что иное, как общую схему семиозиса — ср. с описанием Ч. Морриса: «...семиозис (или знаковый процесс) рассматривается как пятичленное отношение — *V, W, X, Y, Z*, — в котором *V* вызывает в *W* предрасположенность к определенной реакции (*X*) на определенный вид объекта (*Y*) (который, следовательно, не действует как стимул) при определенных условиях (*Z*). Там, где существует это отношение, *V* есть знак, *W* — интерпретатор, *X* — интерпретанта, *Y* — значение (означивание, сигнификация (signification), а *Z* — контекст, в котором встречается знак» (выделено нами. — И.Ш.) [14, с. 130]. Приписывание значений, не связанных тесным образом с объектом как таковым, — универсальный процесс, имеющий и общебиологический аспект.

механизмов генезиса институтов. Утверждение, что конститутивное правило «X counts as Y in C» схватывает момент перехода «от грубого к институциональному», содержит эпистемическое смещение: институт возникает не на основе перехода от вещей к символам. Серль акцентирует внимание именно на этих отношениях, полагая, что «вещественная природа» институциональных символов дает основания для принятия анти-конструктивистской («реалистической») позиции в отношении институциональной реальности.

Однако социологический смысл института денег не сводится к семиотической связи между полоской бумаги и функцией обмена. Институт денег — это не отношения между вещью («грубым фактом») и символом, а символические опосредованные и определенным образом упорядоченные отношения между людьми. В целом генезис институциональной реальности не может быть понят как переход от грубых фактов к символическим, во всяком случае, этот переход ничего не объясняет с точки зрения социальной природы института. За институциональной реальностью — как некоей конвенцией, осмысленной регуляцией отношений — стоит не «грубая физическая реальность», но реальность отношений, еще не подвергнувшихся рефлексии. Формула «X counts as Y in C» имеет, таким образом, чисто семиотический смысл, и попытка его расширения приводит к значительным теоретическим затруднениям.

Очевидную интригу в анализе сюжетов, связанных с формулой «X counts as Y in C», создает неопределенность концептуальной роли последней: Серль применяет данную формулу и к конститутивным правилам, и к перформативам. Это заставляет еще раз обратиться к теоретическому статусу конститутивных правил — центрального понятия концепции Серля — и характеру взаимоотношений между конститутивным правилом и перформативным высказыванием в контексте той заявки на онтологию институциональной реальности, которую делает Серль.

Конститутивные правила и перформативные высказывания

Если исходить из общего смысла анализируемых категорий, связь между ними проста и прозрачна: перформативные высказывания реализуют институциональные отношения, общий контекст которых задается конститутивными правилами. Иначе говоря, конститутивные правила являются институциональными, собственно институтами (именно этот смысл и был по умолчанию использован нами во всех предыдущих рассуждениях). Такое понимание вполне отвечает тому смыслу, который Серль вложил в данное понятие в работе, написанной еще в 1965 г. и которому он не изменяет и в сочинении 1995 г. [7, p. 27-28].

В процессе перформативного высказывания ничего нового, строго говоря, не создается. По самой своей природе перформативные

высказывания могут не создавать, но лишь воссоздавать институциональную реальность. Перформативное высказывание — это ритуализованное действие, посредством которого актуализируются институциональные практики. Речевое действие совершается в рамках уже существующих социальных структур (имеющегося социального института), и в социальном мире не происходит ничего нового. Меняются статусы людей (особей), но не структуры; появляется бесчисленное множество конкретных институциональных фактов, однако их новизна имеет отношение к индивидуальным судьбам участников институциональной игры, но не к последней как таковой. Иначе говоря, перформативное высказывание объясняет, как функционирует институт, но не объясняет, как он возникает и что он представляет собой как специфическая реальность. Будучи, по сути, ритуальными формами поддержания социального порядка⁵, перформативные высказывания, несомненно, играют важную роль в функционировании человеческого общества, но не содержат в себе «тайны институционального». Эта тайна, казалось бы, заключена в конститутивных правилах, легитимирующих перформативные действия (задающих условия его «успешности»).

Эта простая и убедительная схема вступает в противоречие с рядом других положений «Конструирования социальной реальности». Прежде всего, обращает на себя внимание акцент, который Серль делает на роли перформативов в создании институциональных фактов. «Одной из наиболее поразительных черт институциональных фактов, — утверждает он, — является то, что очень большое их число, хотя, вне всякого сомнения, не все из них, может быть создано путем явных перформативных высказываний» [7, р. 34]. Эта мысль неоднократно воспроизводится на страницах книги и рождает первое сомнение: что значит «созданы»? Идет ли речь о генезисе или о воссоздании институциональной реальности?

Акцент на особой роли перформативных высказываний в создании институциональной реальности выводит из фокуса анализа идею конститутивного правила, которое в ходе рассуждений Серля незаметно растворяется в перформативах. Дополнительную сложность в понимании его логики создает уже отмеченная неясность концептуальной

⁵ Или модификации его — как, например, в случае введения в действие нового закона. Но и тогда модификация института совершается в рамках существующего порядка, легитимирующего вносимые в него изменения. Кроме того, сама модификация выступает как перформатив лишь на завершающем, формально-легитимирующем (ритуальном по сути) этапе нововведения. То, что этому предшествует — разработка нового закона — есть момент институционального творчества и не может квалифицироваться как перформатив.

роли, которую играет формула «X counts as Y in C». Серль декларирует ее как модель конститутивного правила и в то же время широко использует для описания перформативов. Рассматривая механизм итеративного наложения статус-функций, Серль замечает: «Специфическая черта этих случаев в том, что часто функция накладывается путем совершения эксплицированных речевых актов» [7, p. 81].

Заметим, что само по себе совпадение логической структуры перформатива и конститутивного правила может быть объяснимо: и создание, и воспроизводство формальных (институциональных) ролей и правил человеческого общежития, в конечном счете, происходят при помощи слов, обеспечивающих конвенции. Проблема состоит в том, что необходимо как-то различать процесс воспроизводства и прецедентной легитимации существующего институционального порядка, связанный с перформативами, и момент самого его создания — то есть появления конститутивного правила. У Серля это различие отсутствует.

В целом анализ текстов Серля создает впечатление, что институциональная реальность рождается «перформативно»: история происхождения институтов скрыта последовательными наложениями перформативных высказываний, и в этом процессе трудно различить собственно конститутивное правило. По-видимому, этого и не стоит делать: специфической особенностью конститутивного правила является то, что оно не нуждается в рефлексии. «...я пытаюсь объяснить действие конститутивных правил человеческих институтов, — пишет Серль, — предлагая озадачивающий факт, что агенты обычно не осознают эти правила» [7, p. xii]. Вместе с тем институциональные факты, подчеркивает Серль, есть факты, основанные на человеческом соглашении (см.: [7, p. 2]); идея о том, что деньги есть деньги только в том случае, если люди верят в то, что нечто есть деньги, проходит рефреном через его сочинения (см., например: [7, p. 32-33]). «...Конституирующая сила институциональных фактов, — подчеркивает Серль, — всегда связана с вопросами прав, долга, повинностей, обязательств, уполномочиваний, требований, разрешений и привилегий. Стоит обратить внимание на то, что такого рода сила существует только до тех пор, пока они осознаются, признаются или принимаются неким иным образом» [13]. Итак, для существования института рефлексия необходима. А для конститутивных правил — нет. Что же есть конститутивное правило, как оно возникает и какую роль играет в формировании институционального порядка?

Данную теоретическую проблему Серль артикулирует в статье «Социальная онтология и политическая власть», в которой пишет: «Если существование институциональных фактов требует конститутивных правил, откуда появляются конститутивные правила? Это выглядит таким образом, как если бы их существование само по себе

было институциональным фактом, и, если так, мы ввергаемся в дурную бесконечность, или хождение по кругу...» [13].

Названный парадокс разрешается на первый взгляд просто. Описывая гипотетическую модель формирования института лидерства, Серль полагает, что первым этапом в этом процессе может быть спонтанное приписывание функций лидерства некоему индивиду, не требующее вначале ни языка, ни полного осознания происходящего. Конститутивное правило лидерства возникает тогда, когда практика приписывания статусной функции становится регулярной и племя вырабатывает некие общие принципы, определяющие, кто может быть лидером. «...Упорядоченная практика может стать конститутивным правилом, но не всегда в простейших случаях должно быть конститутивное правило для вменения статусной функции», — резюмирует этот сюжет Серль [13].

Все это выглядит почти бесспорным и, несомненно, узнаваемым (фактически Серль воспроизводит здесь в упрощенном виде фабулу, выстроенную в свое время П. Бергером и Т. Лукманом). Однако в действительности ход его рассуждений отличается от схемы хабиутализации и институционализации типизированных практик. Серль развивает идею вне-рефлексивной институциональной компетенции — идею Background, последовательное изложение которой содержится в его программном сочинении «Конструирование социальной реальности». Здесь мы переходим к анализу наиболее нетривиальной части концепции Серля.

«Последние основания» социологической концепции Серля

Категория Background не имеет привычных терминологических аналогов, и наиболее адекватным ее переводом было бы «Предпосылочные условия». В русском переводе сочинения Серля «Открывая сознание заново» [15] предлагается термин «Фон»; этот перевод стилистически привлекательнее, но он в меньшей степени схватывает ту идею, которую Серль вкладывает в Background. Данная категория составляет «последнее основание» его социально-философской концепции, и Серль подчеркивает ее значение с помощью заглавной буквы: «Я называю, — пишет он, — определенного рода способности “Фоном” (Background) с заглавной буквы “Ф”, дабы прояснить, что я употребляю это слово в особом смысле» [15, с. 166]. В дальнейшем обсуждаемую категорию мы будем использовать в ее оригинальном написании, чтобы не придавать ей дополнительной определенности (или, скорее, неопределенности) помимо той, что содержится в текстах Серля (за исключением цитат, взятых из русского перевода, как в следующих отрывках).

«Фон, — пишет Серль, — состоит из психических способностей, диспозиций, установок, манер поведения, ноу-хау, выдержки и т. д.»

[14, с. 183], «которые позволяют нашим ментальным состояниям функционировать» [15, с. 166]. «Интенциональные состояния, — отмечает Серль, — функционируют только при наличии Background'ных способностей, которые сами по себе не являются интенциональными феноменами. ...Я определяю понятие Background как совокупность неинтенциональных или доинтенциональных способностей, которые делают возможными интенциональные состояния... Под способностями я подразумеваю возможности, диспозиции, тенденции и в целом каузальные структуры. Важно понимать, что когда мы говорим о Background, мы имеем в виду определенный способ нейрофизиологической каузации (причинения)» [7, р. 129]. Среди теоретических отсылок Серля, связанных с данным понятием, — идеи позднего Л. Витгенштейна, П. Бурдые, Д. Юма и Ф. Ницше (см.: [7, р. 132]), наиболее очевидными из которых представляются первые.

Можно различить некоторое сходство построений Серля с понятием языковых игр, в описании которых Витгенштейн обращался к категориям жизненной формы, правила и института. Серль, несомненно, разделяет заложенное в идею языковых игр представление о тотальности лингвистической практики⁶; в этом отношении его подход отвечает традиции аналитической философии. Ключевое для Серля понятие конститутивного правила есть попытка развития витгенштейновских идей о правилах языковой игры. Описывая последнюю, Витгенштейн вводит понятие неявного / неэксплицированного правила, которое определяет условия и саму возможность языковой игры и при этом не требует постоянной рефлексии⁷ (впрочем, это не означает, что оно вообще не требует рефлексии⁸); эта идея также задает определенный теоретический контур концепции Серля.

⁶ Языковые игры, как пишет Витгенштейн, есть выражение формы жизни, они и есть сама жизнь: «Представить... себе какой-нибудь язык — значит представить некоторую форму жизни»; «Термин “языковая игра”, призван подчеркнуть, что *говорить* на языке — компонент деятельности или форма жизни» [12, с. 86; 90]; «Ты должен задуматься над тем, что языковая игра есть, так сказать, нечто непредсказуемое. Я имею в виду: она не обоснована. Она не разумна (или неразумна). Она пребывает — как наша жизнь» [16, с. 391].

⁷ «Правило, единожды наделенное определенным значением, прочерчивает линии следования через все пространство ...Повинуясь правилу, я не выбираю. Правилу я следую слепо»; «“Но ты же видишь!..” Вот это и есть характерное выражение человека, находящегося во власти правила»; «Чтобы правило могло представляться мне чем-то, заведомо выявляющим все свои следствия, оно должно быть для меня само собой разумеющимся» [12, с. 167; 169; 170].

⁸ «Ложь — это языковая игра, которой нужно обучаться, как и всякой другой» [12, с. 172].

Другая философская подоплека идеи Background — это кантовская идея априорных форм: «*Интенциональность обнаруживается в согласованном потоке действия и восприятия*» (выделено автором. — И.Ш.), а Фон, — подчеркивает Серль, — есть условие возможности форм, которые принимает поток» [15, с. 181–182]. Впрочем, Серль не ссылается на Канта, и сам по себе вопрос о консистентности идей Канта и Витгенштейна требует отдельного рассмотрения. Однако несомненно, что понятие Background в научно-мировоззренческом отношении фундировано идеей априоризма. В трактовке последней у Серля отчетливо звучат биологические акценты⁹. Идея априорных форм получает у Серля нейрофизиологическую интерпретацию (при этом, по его собственному замечанию, он неотчетливо представляет себе, о каких именно нейрофизиологических процессах здесь следует вести речь¹⁰, поэтому ограничивается их описанием «на гораздо более высоком уровне» [7, р. 129], а именно — лингвистическом).

Серль также пытается дать обоснование гипотезе Background в контексте эволюционной теории. Идея, которую он защищает с помощью философии дарвинизма, состоит в том, что человек ведет себя определенным образом не для того, чтобы соответствовать требованиям социальной реальности (в общем контексте дарвинизма это звучит — «не для того, чтобы выжить»), а потому что некие навыки (признаки) индивида (особи, организма) оказались эффективны с точки зрения выживания в определенных (в данном случае — социальных) условиях. Иными словами, человек просто следует тем диспозициям,

⁹ Заметим, что сама по себе концептуальная связь между кантовским и биологическим априоризмом вполне очевидна и хорошо эксплицирована в работах таких далеких друг от друга мыслителей, как Г. Зиммель [17] и К. Лоренц [18, 19].

¹⁰ Не пытаясь ответить за Серля на этот вопрос, укажем лишь на общее противоречие, которое он допускает в трактовке Background как нейрофизиологического феномена. В сочинении «Открывая сознание заново» Серль выделяет «глубинный Фон» и «локальные практики», имея в виду под последними культурно обусловленные диспозиции восприятия [15, р. 181], а в книге «Конструирование социальной реальности» дает ремарку о том, что в ходе трансляции культурных практик первоначальные интенциональные движения могут превращаться в часть Background: «То, что однажды было эксплицированным наложением функции в коллективном интенциональном акте, теперь принимается как часть Background» [7, р. 126]. Это высказывание дает основания для сомнений в том, какие именно признаки Серль включает в Background: наследственные или благоприобретенные. Его обращение к философии дарвинизма допускает предположение, что речь идет скорее об эволюционно сформировавшихся признаках поведения, и на этом предположении основывается дальнейший анализ идеи Background.

которые развились у него, поскольку оказались чувствительны к структуре конститутивных правил. Такой стиль рассуждения не является привычным в социальной науке, поэтому приведем дословные формулировки Серля: «...выживание есть не преследуемая цель, но просто эффект... Аналогичную инверсию следует применить к человеческим Background'ным способностям обращаться с социальными феноменами. Вместо того чтобы говорить, что индивид ведет себя определенным образом... поскольку следует правилам института, необходимо сказать, во-первых (каузальный уровень), что индивид ведет себя тем способом, которым он ведет себя, потому что у него есть структура, склоняющая его вести себя данным образом; во-вторых (функциональный уровень), он пришел к тому, чтобы быть предрасположенным вести себя таким образом, потому что именно этот способ поведения соответствует правилам данного института. Иными словами, ему нет необходимости знать правила института и действовать так, чтобы им соответствовать, скорее он просто предрасположен вести себя определенным образом, но он приобрел эти неосознаваемые диспозиции и способности в такой форме, которая чувствительна к структуре правил института» [7, p. 144]. В качестве иллюстрации Серль так интерпретирует действия опытного игрока-бейсболиста: не потому игрок бежит на базу, «что стремится придерживаться правил игры в бейсбол, но... поскольку правила требуют, чтобы он бежал на первую базу, он приобретает совокупность привычек, навыков, диспозиций, которые таковы, что, отбивая мяч, он бежит на первую базу» [7, p. 144].

Пример неудачен: Серль не скрывает, что речь идет об опытном игроке, который уже выучил правила игры [7, p. 141]. Впрочем, и другие примеры, к которым обращается Серль для обоснования идеи Background, имеют отношение не к плохо артикулированным «предпосылочным условиям», но к реакциям восприятия и поведения, обеспеченным предшествующей социализацией (см., в частности: [7, p. 132-137]). В этих примерах, а также в некоторых общих рассуждениях Серля (таких, как: «...во многих случаях институционального поведения, особенно после того, как я стал экспертом внутри данного института, я просто знаю, что делать. Я знаю, в чем состоит подобающее поведение, без обращения к этим правилам» [7, p. 137]) смысл Background сведен к интериоризации культурно-социальных паттернов. Однако идея Background состоит не в этом. «Базовая идея, — настаивает Серль, — ...состоит в том, что человек может развить в себе совокупность способностей, чувствительных к специфическим структурам интенциональности, но не сконструированных интенционально. Человек развивает навыки и способности, которые, так сказать, функционально эквивалентны системе правил, и при этом он не репрезентирует и не интернализирует эти правила» [7, p. 142].

Дистанцируясь от того, чтобы быть понятым в духе «подсознательного» следования освоенным правилам институционального поведения, Серль подчеркивает: неверно предполагать, что «наше поведение отвечает структуре правил, потому что мы подсознательно следуем этим правилам. Скорее, мы развиваем серию диспозиций, которые чувствительны к структуре правил» [7, p. 145]. Предвидя возможную попытку интерпретировать его мысль в более привычном духе¹¹, он пишет: «...я говорю, что ...часто индивид, который ведет себя квалифицированным образом внутри института, ведет себя так, как если бы он следовал правилам, но не потому что он следует этим правилам подсознательно и не потому что его поведение причиняется недифференцированным механизмом, который выглядит так, как если бы он был структурирован в соответствии с правилом, но потому что этот механизм развился именно так, чтобы быть чувствительным к этим правилам» [7, p. 146].

Под механизмом Серль понимает некие когнитивные способности, обеспечивающие институциональную компетентность человека: «...научаясь иметь дело с социальной реальностью, мы приобретаем совокупность когнитивных способностей, которые чувствительны к интенциональной структуре и в особенности к структурным правилам сложных институтов, однако не включают с необходимостью репрезентации правил этих институтов...» [7, p. 145].

Таким образом, согласно Серлю, человек обладает когнитивными Background'ными способностями, обеспечивающими его чувствительность к конститутивным правилам; последние стоят «за» институтами как практикой, по необходимости включающей в себя рефлексивность. Если мы вспомним, что идея Background ориентирует на некий механизм нейрофизиологической каузации, то чувствительность социальных диспозиций можно трактовать как врожденную предрасположенность человека к институциональному поведению. Из текстов Серля очевидно, что эта предрасположенность связана со способностью человека к языковой символизации. И здесь наступает некоторое понимание как идеи Background, так и всей институциональной концепции Серля, а также истоков того противоречия, которое содержится в понятии конститутивных правил.

Конститутивные правила: институциональные нормы или формула семантического описания?

Идея Background'ной природы конститутивных правил несовместима с пониманием их как правил, создающих возможность некоторого вида деятельности через описание допустимых в ее рамках процедур

¹¹ «Кто-то может возразить: “Не говорите ли вы на самом деле, что мы ведем себя так, ‘как если бы’ мы следовали этим правилам...”» [7, p. 145].

(то есть как институциональных правил). Тексты Серля содержат оба взаимоисключающих подхода, и если, согласно первому, конститутивные правила предшествуют институциональной рефлексии, то есть представляют собой не институты, а нечто, делающее их возможными, то, согласно второму, конститутивные правила не могут быть поняты иначе, как система институциональных норм.

Конкретных примеров отмеченного противоречия в анализируемых текстах содержится с избытком. Достаточно сопоставить ключевой тезис Серля о том, что деньги есть деньги, только если они воспринимаются как деньги, и следующее, например, утверждение: «...когда мы говорим, что такие-то и такие-то клочки бумаги означают деньги, мы имеем дело с самым настоящим конститутивным правилом, потому что условия элемента X, “такие-то и такие-то клочки бумаги” сами по себе не являются достаточными условиями для того, чтобы быть деньгами...» [7, р. 44]. Следовательно, конститутивное правило — для того, чтобы что-то конституировать — нуждается в рефлексии: нельзя обращаться с деньгами, не понимая, что они — средство платежа, но именно это и составляет главную конституирующую функцию денег.

Приведем еще один фрагмент, в котором противоречие возникает уже по ходу последовательного изложения авторской мысли: «Я говорил ранее, что способность вменять функции естественным феноменам поразительна, но в равной степени поразительным является тот факт, что функции могут быть вменены совсем неосознанно, и функции, однажды вмененные, часто являются, так сказать, невидимыми. Так, деньги могли просто возникнуть без того, чтобы кто-либо когда-либо подумал: “Мы теперь вменяем новую функцию этим объектам”, и как только деньги возникли, люди могут использовать их для того, чтобы покупать и продавать, не думая о логической структуре вмененных функций. Тем не менее ...кто-то должен быть способен понимать, для чего эта вещь, в противном случае функция никогда не будет присвоена. По крайней мере некоторые участники системы обмена должны понимать, сознательно или бессознательно, что деньги предназначены для покупки вещей...» [7, р. 48]. Таким образом, как ни стремится Серль оставить конститутивное правило денег за пределами человеческой рефлексии, ему приходится признать, что хотя бы некоторые из участников системы обмена, пусть бессознательно, но должны понимать, для чего предназначены деньги.

Свои рассуждения о конститутивном правиле Серль в конце концов доводит до момента кодификации: когда «...вменение статусной функции согласно данной формуле становится делом общей политики, — пишет Серль, — данная формула приобретает нормативный статус. Она становится конститутивным правилом. Это видно из того факта, что данное общее правило создает возможность неверных

употреблений, которые не могли бы существовать без данного правила...» [7, р. 48]. Этот фрагмент не оставляет сомнений в том, что речь идет о конститутивных правилах как об институциональной норме, делающей возможным рефлексивный мониторинг текущей практики.

Приведем еще один характерный пример, показывающий, что в ряде случаев Серль трактует конститутивное правило как институциональную систему регуляции, эксплицированную и хорошо известную членам сообщества. В этом примере Серль описывает развод по-мусульмански, процедура которого состоит в том, что муж три раза произносит определенные слова, кидая при этом три белых голыша. Глагол «разводиться» приобретает здесь перформативное значение, и это происходит, пишет Серль, «благодаря новому конститутивному правилу, согласно которому произнесение мужем три раза фразы “Я развожусь с тобой”, сопровождаемое соответствующими жестами бросания, означает развод с женой. Таким образом перформативное высказывание создает новый институциональный факт, развод» [7, р. 55].

Наконец, парадигмальный пример с шахматами, к которому обращается Серль для пояснения мысли о различии между регулятивными и конститутивными правилами, также свидетельствует в пользу институциональной природы конститутивного правила. Шахматные правила «не просто регулируют» действия игрока, определяя, что и как можно делать, что есть правильно (норма), что неправильно, при каких условиях возможно определенное действие и т. д. и т. п., но «они также создают саму возможность» шахматной игры [7, р. 28]. Очевидно, что конститутивные правила шахматной игры и есть «институт» шахматной игры. Перформативные высказывания, возможные в рамках последней («Объявляю вам мат!») полностью легитимированы конститутивными правилами (институциональной рамкой). Очевидно и то, что конститутивные правила шахматной игры полностью осознаются ее участниками; постановка вопроса о вне-рефлексивном происхождении этих правил нелепа. Врожденных оснований для игры в шахматы, которые управляли бы действиями человека помимо его сознания, не существует. Есть биологическая способность к сложной интеллектуальной деятельности — но это общая способность, и она не имеет врожденной «шахматной канализации».

Таким образом, исходный смысл конститутивного правила сводится к институционально (то есть формально и рефлексивно) закреплённым «правилам игры». Этот смысл сохраняется до тех пор, пока мы рассуждаем о шахматах или находимся в пространстве этой аналогии: «...правила шахмат создают саму возможность шахматной игры. Правила конститутивны по отношению к шахматам в том смысле, что игра в шахматы частично конституируется как действия в соответствии с правилами. ...Эти правила ...имеют типичную форму...“Х

counts as Y in context C". Таким образом, то-то и то-то означает мат, такое-то и такое-то действие означает допустимый ход пешки и т. д. ...Институциональные факты существуют только внутри системы конститутивных правил. Системы правил создают возможность фактов такого рода; и конкретные случаи институциональных фактов, — скажем, что я выиграл в шахматы или что Клинтон является президентом — созданы применением *конкретных* (выделено мной. — И.Ш.) правил, правил объявления мата или, к примеру, выбора и приведения к присяге президентов» [7, р. 28]. Совершенно очевидно, что в этих рассуждениях Серля нет места для Background. Конститутивные правила шахматной игры есть «институт игры в шахматы», конститутивные правила выбора и приведения к присяге президентов есть институт президентства, — именно институт как в значительной своей части эксплицированные нормы (несомненно, любой институт имеет латентную составляющую, однако это не противоречит пониманию его как практики, в своих общих чертах известной рядовым членам сообщества).

Пример с шахматами хорош во всем, кроме одного: он не проблематизирует вопроса о генезисе шахматной игры. Между тем именно этот вопрос является наиболее существенным в анализе институтов человеческого общества, и именно он, как мы полагаем, привел к перекоосу всей изначально стройной конструкции Серля. Если в отношении «института» шахмат можно допустить, что он был выдуман, то в отношении института денег данное предположение выглядит наивным. Это и заставляет Серля уводить историю происхождения конститутивных правил в некие до-рефлексивные практики, в ходе которых сложились не очень понятные по своей сути правила, которые люди в принципе не осознают, но которые обеспечивают легитимность их сознательной институциональной деятельности, выраженной в перформативных высказываниях. Каким образом обеспечивают? Где и как происходит переход от до-рефлексивной компетенции к рефлексивной регуляции деятельности? Все это в концепции Серля так и остается непонятным.

Таким образом, рассматриваемые тексты дают основание для двух несовместимых трактовок конститутивных правил. С одной стороны, конститутивные правила а) могут складываться стихийно как упорядоченные практики; б) не требуют осознания и даже, как правило, не осознаются. Иначе говоря, они связаны с Background и никак не могут быть институтами (институциональными нормами). С другой стороны, исходя из конкретных примеров, которые приводит Серль, совершенно очевидно, что конститутивные правила потому и управляют деятельностью людей, что люди их осознают.

Отмеченное противоречие в рассуждениях о конститутивных правилах мы объясняем тем, что фактически в данном понятии Серль

пытается охватить две идеи. 1) Основной смысл, заключенный в конститутивном правиле «X counts as Y in C», связан с экспликацией логической формы символического овладения действительностью. Именно в этом Серль видит «тайну институционального». 2) Однако данная формула столь же успешно может быть использована и для описания конкретных институциональных правил, которые регулируют жизнь человеческого общества. Взятая с этой стороны, конститутивное правило в большей степени отвечает изначальному («шахматному») смыслу, который в него заложен. При этом логическая формула символического процесса не отменяется, но отодвигается на задний план, и внимание сосредоточивается на конкретных процедурах, посредством которых регулируется та или иная деятельность.

Таким образом, в одном понятии конститутивного правила Серль пытается охватить и семантический аспект институциональной реальности (отношения между денотатом и концептом), и момент структурирования социальных отношений (упорядочения, концептуализации, кодификации, нормотворчества), который, если и может быть описан семиотическими средствами, то скорее со стороны синтагматики, чем семантики. Это смешение формально-логического и социологического/социально-психологического аспектов институционального процесса видно, например, в следующем фрагменте: «...в самой эволюции институтов участникам нет необходимости осознавать форму коллективной интенциональности, посредством которой они вменяют функции объектам. В процессе сознательных покупок, продаж, обменов, etc. они могут просто создавать институциональные факты. Кроме того, в крайних случаях они могут признавать вменение функции только благодаря некоторой теории, которая даже может не быть истинной. Они могут верить, что нечто есть деньги, только если за ними “стоит золото”, или что нечто есть супружество, только если оно освящено Богом, или что некто является королем только потому, что он божественно санкционирован. ...До тех пор пока люди продолжают признавать X как имеющий статус-функцию Y, институциональный факт создается и поддерживается. Им не надо в дополнение осознавать факт этого признания и они могут придерживаться всех видов ...ложных представлений относительно того, что они делают и почему они делают это» [7, p. 47-48].

Для Серля важно подчеркнуть, что логическая структура конститутивного правила не требует осознания. «Например, — пишет он, — для того чтобы Буш был президентом, люди не обязаны думать “Мы вменяем ему статусную функцию в соответствии с формулой X counts as Y in C”, даже если именно это они и сделали. ...Обычно они думают “Он — президент”, и этой мысли достаточно для поддержания статусной функции» [13]. В другом примере Серля женщина, отправляющаяся за покупками, всего лишь хочет купить определенные вещи,

но из этого не следует, что она обязана иметь «желание следовать конститутивным правилам денег или что она бессознательно следует конститутивным правилам денег» [7, p. 138].

С тем, что люди, вовлеченные в ту или иную институциональную практику, не осознают, что действуют в соответствии с придуманной Серлем формулой «X counts as Y in C»¹², трудно не согласиться. Если конститутивное правило есть всего лишь семиотическая формула создания институциональной реальности, то оно действительно, как и утверждает Серль, не требует никакой рефлексии. Мы, действительно, «не останавливаемся и не думаем, сознательно или подсознательно: “Ага! Деньги есть случай вменения функции посредством коллективной интенциональности в соответствии с правилом формы ‘X counts as Y in C’ и требуют коллективного соглашения”» [7, p. 143]. Однако врожденной способности схватывать семиотический код еще недостаточно для того, чтобы квалифицированно вести себя внутри конкретной институциональной структуры. Между тем, Серль пытается провести именно эту мысль: «В действительности, — пишет он, — во многих ситуациях мы просто знаем, что делать, мы просто знаем, как быть в этой ситуации. Мы не применяем правила сознательно или бессознательно... Скорее мы развиваем навыки, которые отвечают конкретной институциональной структуре» [7, p. 143].

Стремление придать конститутивному правилу статус преимущественно логической формулы символического процесса объясняет и ту путаницу, которая возникает между ним и перформативными высказываниями: ведь символизация имеет место и в каждом перформативном высказывании. По-видимому, единственное отличие состоит в том, что символизации, происходящие в процессе перформативного высказывания, требуют рефлексии, а символизации, совершаемые в рамках конститутивного правила, — нет. Но даже и такая интерпретация логики Серля приходит в противоречие с некоторыми его высказываниями. Приведем пример, демонстрирующий, как непросто в серлевских рассуждениях уловить грань между конститутивным правилом и перформативным высказыванием: «...способ вменения новой статусной функции может быть представлен формулой “X counts as Y in C”. Она дает нам мощный инструмент для понимания формы создания новых институциональных фактов, потому что коллективная интенциональность заключается во вменении данного статуса и сопутствующей ему функции, конкретизированной элементом Y, некоторому феномену, названному в элементе X. Выражение «counts as»

¹² Эту формулу, впрочем, придумал не Серль. По его собственному свидетельству, ему подсказал ее Макс Блэк, редактор книги «Философия в Америке», в которой в 1965 г. была опубликована статья Серля «Что такое речевой акт?» [10, с. 169].

является ключевым в данной формуле, потому что, поскольку обсуждаемая функция не может быть выполнена просто благодаря физическим свойствам элемента X, для своего выполнения она требует нашего соглашения или признания» (выделено мной. — И.Ш.) [7, р. 46]. О чем здесь идет речь — о перформативном высказывании или конститутивном правиле? Скорее о последнем — если вспомнить, что «движение “counts as”», которое является «ключевым моментом в переходе от грубого к институциональному ...есть движение, выражаемое в конститутивном правиле» [12]. В то же время указание на необходимость осознания этого перехода заставляет предположить, что Серль имеет в виду перформативное высказывание.

Конститутивное правило — в том его понимании, которое отсылает к Background, связано с процессом символизации, с общей способностью человека к символическому конструированию действительности. Эта способность дана биологически, и для человека она тесно связана с языком.

Лингвистические экстраполяции концепции Серля

Все построения Серля заданы исходными лингвистическими интуициями в понимании институциональной реальности. Свидетельством того, что латентным основанием его концепции служит лингвистика, являются прямые высказывания, примеры, к которым обращается автор, наконец, сама логика его рассуждений.

Достаточно полное представление о последней дает описание Серлем схемы возникновения конститутивных правил лидерства — приведем этот фрагмент целиком, чтобы не нарушать последовательности авторской мысли: «Когда практика вменения статусной функции становится упорядоченной и упроченной, возникает конститутивное правило. Если племя устанавливает политику, согласно которой данный человек является лидером, потому что он обладает такими-то чертами (и любой его преемник должен ими обладать), то это означает, что введено конститутивное правило лидерства. [Обратим внимание: речь опять идет о введении института лидерства. — И.Ш.] Особенно важно, — продолжает Серль, — чтобы это были публично доступные конститутивные правила, поскольку природа статусных функций такова, что... они должны быть публично распознаваемы, а коллективное распознавание требует некоторой априорным образом (antecedently) принятой процедуры... Очевидным случаем [такой процедуры] является язык. В самом деле, — рассуждает далее Серль, — мы располагаем процедурами, посредством которых делаем утверждения, задаем вопросы и даем обещания. И все они возможны таким способом, который поддается передаче другим людям только вследствие публично распознаваемых конститутивных правил. Но конститутивные правила [языка] не требуют других конститутивных правил для своего существования, по крайней мере, этот процесс не

уходит в дурную бесконечность. Поэтому для разрешения нашего исходного парадокса следует допустить, что упорядоченная практика может стать конститутивным правилом, но не всегда в простейших случаях должно существовать конститутивное правило для вменения статусной функции» [13].

Таким образом, язык есть та конечная (или исходная) институциональная реальность, которая не требует предварительной рефлексии. Способность к языку дана врожденно, в языке заложена возможность символизации, символизация лежит в основе существования институтов (составляя, по Серлю, суть конститутивных правил). Таким образом, язык — это врожденный пропуск человека к институциональной реальности без всякой рефлексии. Собственно, в этом и состоит идея Background.

Описанные сюжеты приобретают некий смысл и логическую устойчивость, если обратить внимание, что парадигмальной моделью концепции Серля выступает теория порождающих грамматик Н. Хомского. Используя ее как логический шаблон¹³, Серль выстраивает сюжет о врожденной «чувствительности» человека к правилам поведения в обществе. Неслучайно в обоснование своей идеи он обращается прежде всего к примерам из области лингвистики, где феномен спонтанного овладения сложными правилами языка наиболее очевиден.

Серль показывает, что наше восприятие простейших предложений определяется не их буквальным значением, а неким предпосылочным пониманием, готовностью принять именно это значение, а не другое. «Простейший аргумент в пользу тезиса о Background, — пишет он, — состоит в том, что буквальное значение любого предложения может детерминировать условия своего правдоподобия или другие условия достоверности только на фоне Background способностей, диспозиций, ноу-хау и т. д., которые сами по себе не являются частью семантического содержания предложения» [7, р. 130]. Именно в рамках понятия Background Серль проблематизирует, в частности, различие значений слова 'cut' в предложениях «Салли разрезала ('cut') пирог» и «Билл стриг ('cut') траву». «В каждом случае, — полагает Серль, — мы понимаем глагол различным образом, хотя его буквальное значение постоянно, потому что в каждом случае наша интерпретация зависит от наших Background'ных возможностей» [7, р. 131]. Однако данные примеры иллюстрируют лишь общеизвестное обстоятельство, что любое высказывание контекстуально, и если для его

¹³ Сам Серль отмечает концептуальную близость своих рассуждений теоретическим построениям Хомского и стремится от них дистанцироваться. К сожалению, никаких иных аргументов, кроме «глубокого недовольства» идеями своего коллеги, Серль не выдвигает [7, р. 128].

расшифровки, возможно, и требуется ссылка на Background как совокупность необходимых ментальных способностей, то в ближайшей перспективе достаточно указания на социокультурный контекст происходящего. Можно согласиться с комментарием Серля, что возможности неверных интерпретаций блокируются «не семантическим контекстом, но просто тем фактом, что у вас имеется определенное знание о том, как устроен мир, у вас есть определенный набор способностей для взаимодействия с этим миром, и эти способности не включены и не могут быть включены в предложение как часть его буквального значения» [7, p. 131]. Но из справедливости этих рассуждений не следует с логической неизбежностью вывод о существовании Background — в том «натуралистическом» смысле, в котором его понимает Серль.

Он пытается установить непосредственную связь между языком и институциональными фактами: «...язык в точности предназначен для того, — пишет Серль, — чтобы быть самоидентифицирующим видом институциональных фактов. Дитя воспитывается в культуре, где оно учится распознавать звуки, которые исходят из его собственного рта и ртов других как нечто символизирующие, означающие или что-то представляющие. Это именно то, что я подразумевал, когда говорил, что язык не требует языка, для того чтобы быть языком, потому что он уже есть язык. ...Почему все институциональные факты не могут иметь этого самоидентифицирующего свойства языка? Почему нельзя воспитать дитя так, чтобы оно непосредственно воспринимало нечто как чью-то частную собственность или данный физический объект как деньги? Ответ заключается в том, что оно может [это делать]. Но в точности в той степени, в какой оно может это делать, оно воспринимает объект как символизирующий нечто помимо себя, оно воспринимает его как хотя бы частично лингвистический по своей природе» [7, p. 73]. Серль хочет продвинуться дальше того известного обстоятельства, что овладение культурой и нормами человеческого общежития происходит через язык. В его рассуждениях сквозит мысль о том, что слова сразу, непосредственным образом пропускают человека к сущности институтов. Сущность последних, таким образом, «защита» в языке.

Логическим завершением этих рассуждений является признание, что язык, в конечном счете, и есть институциональная реальность: «Какова в точности роль языка в институциональной реальности? Я сказал, что нечто есть деньги, собственность или брак, только если люди думают, что это есть деньги, собственность или брак, но как могли бы они вообще иметь такую мысль, если бы у них не было языка? Более того, не является ли язык той в точности разновидностью социальной реальности, которую мы пытаемся объяснить?» [6, p. 115].

Согласно намеченным Серлем линиям рассуждения, институты можно понять как стихийно сложившиеся, в конечном счете, языковые практики, опирающиеся на биологически укорененную predisposition к языковому и институциональному поведению (Background). Если провести эту линию максимально последовательно, то можно прийти и к перформативам. Действительно, если институциональные основания уже даны (пред-заданы), дальше остается просто следовать «правилам игры» в перформативные высказывания.

Автору настоящей публикации импонируют представления, согласно которым человек обладает врожденными способностями как к социальному поведению, так и к символическому отображению этого поведения и всей сложной системы социальных взаимоотношений. Однако мысль о том, что языковая реальность и есть, в конечном счете, институциональная реальность и что, вследствие присущей человеку коллективной интенциональности и биологической predisposition к языковому символизму он автоматически, на биологическом, по сути, уровне получает доступ к институциональной компетентности, не выглядит бесспорной. Небесспорна и аналогия: «Человеку в своем обществе столь же комфортно, как рыбе в море или главному яблоку в глазнице, и мы не обязаны в каждом из этих трех случаев объяснять поведение в терминах правил» [7, p. 147].

Серль осуществляет прямую экстраполяцию особенностей функционирования естественного языка на институциональные феномены. Однако из гипотезы Хомского о существовании врожденного механизма языковой компетентности еще не следует справедливость предположения о врожденном механизме институциональной компетентности. «Тезис о Background, — пишет Серль, — может быть расширен от семантического содержания к интенциональному содержанию в целом» [7, p. 131]. Однако такого рода экстраполяции относятся к очень сильным предположениям и требуют обоснования. Феномены социальной жизни не рядоположены с языком. Язык — первая, исходная реальность, его естественные основания более фундаментальны, нежели естественные основания социальных институтов.

Кроме того, даже языку необходимо учиться. Как бы ни были органичны «конститутивные правила» языка человеческой психике, они должны быть освоены — и освоены не так, как младенец «осваивает» дыхание. Процесс обучения языку кажется естественным, однако и он на определенных этапах предполагает тот или иной вид рефлексии (заметим, что в теории порождающих грамматик Н. Хомского языковой опыт рассматривается как один из факторов овладения языком, наряду с генетическими компонентами этого процесса — см.: [20]).

У человека не может развиться чувствительности к институциональным правилам, потому что эти правила «придуманы» им. Они нигде не заложены, они выработаны в процессе культурно-

исторического творчества, и им следует учиться — в принципиальном плане точно так же, как животное обучается некоторым навыкам поведения, называемым благоприобретенными. Другое дело, что у человека, так же, как и (в той или иной форме и степени) у других животных, существует сложный комплекс генетических предрасположенностей, который в упрощенной формулировке можно назвать «социальным инстинктом». Но этот «инстинкт» не имеет прямого отношения к конкретным формам, в которых реализуется человеческая биологическая потребность в «совместности».

На наш взгляд, идея Background была бы более эвристична, если понимать ее не буквально лингвистически, а как предположение о существовании объективных до-рефлексивных социальных структур (отношений), получающих рефлексивное оформление в институциональных структурах. Впрочем, и гипотеза врожденной «чувствительности» к структурному позиционированию социальных отношений кажется интересной — но только в том случае, если понимать ее не «по Серлю» (как чувствительность к конкретным формам институционального поведения), а «по Хомскому», — как гипотезу о врожденной предрасположенности к восприятию некоей «концептуальной структуры» окружающего мира [20, с. 156].

Заключение

Предложенный Серлем натуралистический подход к проблемам социальной онтологии есть заявка на вывод социологической проблематики в пространство междисциплинарного дискурса. Человеческая реальность, утверждает Серль, — это институциональная реальность, и она формируется на базе социальной реальности, или общебиологической предрасположенности к совместности. Это — сильные положения концепции Серля.

Натуралистический подход выдержан Серлем достаточно последовательно, хотя его философские основания весьма условны. Он придерживается позиции, которую формулирует как реализм. «Мир, — утверждает Серль, — ...существует независимо от наших представлений о нем»; «...реализм есть онтологическая теория: существует реальность, полностью независимая от наших представлений» [7, р. 150; 155]. Однако, отмечает Серль, реализм ничего не говорит о том, как реально существуют вещи¹⁴: «Представления — это одно, а репрезентируемая реальность — другое, и это истинно, даже

¹⁴ «Реализм есть точка зрения, согласно которой имеется способ существования вещей, логически независимый от человеческих представлений. Реализм не говорит о том, как существуют вещи, но лишь утверждает, что каким-то образом они существуют» [7, р. 155]

если окажется так, что в действительности реальны только состояния сознания» [7, р. 156-157].

Строго говоря, эта позиция не предполагает необходимости отвечать на вопрос: «Как реально существуют вещи?» Тем не менее натуралистические интенции заставляют Серля искать «окончательные основания» для социально сконструированных фактов. В отношении институциональных фактов, которые связаны с приписыванием статус-функций материальным объектам, он не испытывает трудностей — здесь, по его мнению, все можно свести к простой физической природе вещей¹⁵. Однако логический приоритет грубых (физических) фактов над институциональными, на котором настаивает Серль [7, р. 55], не объясняет природы социального института. Онтология последнего уходит не в вещи, но в отношения между людьми. «Натуралистические основания» институциональной реальности заключаются не в том, что институциональное имеет физический субстрат. Объективность института — не в том, что за ним стоят вещи, а в том, что за ним не стоит сознание как единственная конституирующая сила.

Отдельного объяснения требуют институциональные факты, которые воплощают нематериальные социоструктурные отношения и не имеют, таким образом, под собой никаких «грубых фактов». Истоки такого рода отношений Серль видит в биологии социального: «Находясь на более сложном уровне, нежели деньги, брак и собственность, правительства берут свое происхождение в ряде примитивных биологических явлений, таких, как склонность большинства приматов формировать внутри своих групп статусные иерархии, склонность животных принимать лидерство от других животных, и, в некоторых случаях, применение животными грубой физической силы по отношению друг к другу. Я не думаю, что этот перечень содержит абсолютно все, на чем основано правительство, но мне кажется, что эти элементы биологии приматов имеют такое же значение для понимания политической философии, как и многие традиционно обсуждаемые проблемы, например, проблема общественного договора».

¹⁵ «...Социально конструируемая реальность, — пишет Серль, — предполагает реальность, независимую от социальных конструкций, потому что должно быть нечто, из чего конструкция и может быть сконструирована. Чтобы конструировать, например, деньги, собственность и язык, должно быть сырье, — например, куски металла, бумаги, земли, звуки и знаки. И это сырье не может, в свою очередь, быть социально сконструировано, если не предположить [существования] еще более сырых материалов, из которых оно сконструировано до тех пор, пока, в конечном счете, мы не достигнем основы, состоящей из грубых физических феноменов, независимых от всех репрезентаций ...Вы не можете иметь институциональных фактов без грубых фактов» [7, р. 190-191].

На них основываются более сложные структуры — гражданские права, ответственность, полномочия и учреждения, выборы, импичменты и другие методы выбора правителей и устранения их от власти и прочее, и прочее — которые затем развиваются как институциональные структуры путем коллективного наложения статус-функций поверх более простых отношений» [7, р. 86].

В данном высказывании импонирует заявка на естественнонаучный подход к анализу общества, однако вызывает возражения излишне прямолинейный способ ее реализации, особенно если иметь в виду, что Серль рассуждает не о примитивных контактных сообществах, а о современных политических структурах. Непосредственная социальность животных и социально-политические институты человека соотносятся достаточно сложно, и роль исходных биологических импульсов в организации «большого общества» неочевидна.

Натуралистическими основаниями институциональной реальности являются, по Серлю, физическая природа вещей, социальные факты, а также язык. Последний превращает и физические, и социально-биологические факты в институциональную реальность. При этом сам язык (точнее, присущая ему фундаментальная символизирующая способность) есть феномен, биологически укорененный в человеческой психике. Не останавливаясь на этом почти бесспорном тезисе, Серль утверждает, что язык не только делает возможным существование институциональной реальности как символического мира, но фактически уже содержит ее в себе, поскольку сама институциональная реальность состоит из языковых символов. Последовательно реализуя заявку на натурализм, Серль приходит, в конце концов, к лингвистическому конструктивизму, однако последний приобретает в его концепции сильную биологическую подкладку. Из рассуждений Серля логически следует вывод, что институциональные структуры суть врожденные программы поведения, и на этом можно было бы поставить точку в проблематике онтологии социального.

По нашему мнению, «натуралистический» взгляд на институциональную реальность связан не с тем, чтобы постулировать биологическую предрасположенность людей к институциональному поведению (например, к использованию денег), а с признанием того, что люди в известном смысле были вынуждены назвать нечто «деньги» и создать соответствующий институт — точно так же, как, с точки зрения «натуралистической необходимости», они были вынуждены дать имя кошке и собаке. И деньги, и кошки, и собаки составляют объективный мир человека, в котором разворачиваются отношения, предшествующие их осмыслению и называнию.

Как показали П. Бергер и Т. Лукман, институт действительно создается стихийно и неререфлективно — в том смысле, что стихийно и

нерефлексивно формируется сеть отношений, исторически и логически предшествующих институционализации. Столь же стихийно возникает потребность в рефлексии и регулировании некоей сферы взаимоотношений. В своей повседневной практике человек, несомненно, не осознает смысла того мощного инструмента — способности к символизации, который природа предоставила ему для реализации потребности в рефлексии и упорядочивании социальной практики. Именно эти моменты и подчеркивает концепция Серля, если эксплицитировать смысл концептуальных средств, которые в ней использованы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аутвейт У.* Действие, структура и философия реализма // Социологос. М.: Прогресс, 1991. С. 159–169.
2. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
3. *Арчер М.* Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50–68.
4. *Свидерски Э.* Лекции // Методические материалы к сессии «Теоретическая социология» 3–30 июня 2004 г. М.: Национальный фонд подготовки кадров, Институт социологии РАН, Российский университет Дружбы народов, 2004.
5. *Smith B., Searle J.* The construction of social reality: An exchange // American Journal of Economics and Sociology. Vol. 62. No. 1 (January, 2003). P. 285-309.
6. *Searle J.R.* Mind, language and society: Philosophy in the real world. New York: Basic Books, 1999.
7. *Searle J.R.* The construction of social reality. New York: The Free Press, 1995.
8. *Searle J.R.* Consciousness and language. New York: Cambridge University Press, 2002 // Методические материалы к сессии «Теоретическая социология» 3–30 июня 2004 г. М.: Национальный фонд подготовки кадров, Институт социологии РАН, Российский университет Дружбы народов, 2004.
9. *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
10. *Серль Дж.Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
11. *Rawls J.* Two concepts of rules // Philosophical Review. 1955. № 64. P. 3-32.
12. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть 1. Пер. с нем. / Сост., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. Перевод М.С. Козловой и Ю.А. Асева. М.: Изд-во «Гнозис», 1994. С. 75–319.
13. *Searle J.R.* Social ontology and political power. February 4, 2003 [online]. <<http://www.law.berkeley.edu/cenpro/kadish/searle.pdf>> Date of access: February 14, 2005.
14. *Моррис Ч.У.* Из книги «Значение и означивание». Знаки и действия // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 129–143.

15. *Серль Дж.* Открывая сознание заново. Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-ПРЕСС, 2002.
16. *Витгенштейн Л.* О достоверности // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть 1. Пер. с нем. / Сост., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. Перевод М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Издательство «Гнозис», 1994. С. 321–405.
17. *Зиммель Г.* Об отношении селекционного учения к теории познания // Дарвинизм и теория познания Г. Зиммеля и Ф. Ницше. Дарвинистическая библиотека. Вып. I. СПб.: Санкт-Петерб. Коммерческая Типо-Литография, Литейный, 58, 1899. С. 5–19.
18. *Лоренц К.* Кантовская концепция а priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание / Под общ. ред. И.П. Меркулова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 15–41.
19. *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала // *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала: Пер. с нем. / Под ред. А.В. Гладкого; Сост. А.В. Гладкого, А.И. Федорова; Послесловие А.И. Федорова. М.: Республика, 1998 (раздел «Гипотетический реализм и трансцендентальный идеализм»).
20. *Хомский Н.* Язык и проблема знания // Вестник Московского университета. Сер. 9 «Филология». 1995. № 4. С. 130–157.